

УДК 821.111(93)73
ББК 84(?Coe)-44
Т26

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

*Иллюстрация на обложке — «Жизнь Марка Твена»,
литография (США, Нью-Йорк, 1888 г.). Метрополитен-музей*

Составитель — Елена Нестерина

Книга содержит описания сцен табакокурения (в том числе несовершеннолетними), призывы позитивно относиться к чрезмерному употреблению спиртных напитков и название людей негроидной расы неграми. Просьба относиться к этим анахронизмам с позиции удивленного исследователя из далекого будущего

Твен, Марк.
Т26 Всегда помните о сути вещей... Искусство размышлять /
Марк Твен. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. —
352 с. — (Мыслители эпох. Классика).

ISBN 978-5-17-151188-3

Марк Твен умел несколькими словами выразить истинную суть любого явления, охарактеризовать человека или описать ситуацию так, что это становилось афоризмом. Всю жизнь он изучал человечество, бездны его пороков и вершины величия. В своих произведениях Марк Твен смеялся над ним — иронично, зло, с состраданием. Он как будто подносил зеркало и говорил: смотрите, люди, вы вот какие, исправьтесь. Никто вам не поможет: ни царь, ни бог, ни герой, ни демократия. Давайте сами. Предлагаем и вам, дорогие читатели, посмотреть в это зеркало. Приобщиться к искусству размышлять о времени и о себе. С путеводной звездой по имени Марк Твен это будет незабываемо.

**УДК 821.111(93)73
ББК 84(?Coe)-44**

Предисловие от составителя

Марк Твен — один из любимейших моих авторов. Как патриот, рьяный любитель русской словесности и писатель, считающий себя (пусть, может, и самонадеянно, но все равно считающий) продолжателем традиций Аксакова, Афанасьева, Некрасова, Бунина, Астафьева, я, тем не менее, всегда сверяюсь с генеральной линией его творчества. Убедительность гуманизма Марка Твена, острота юмора, психологизм плюс знание особенностей детского восприятия мира, умение строить сюжет и особенно диалоги, понятность в изложении философских мыслей — все это для меня камертон. Да, где-то рядом стучат кирки и свистят по снегу лыжи Джека Лондона, звонят соборные колокола Виктора Гюго, играет скрипка персонажа, которого придумал англичанин Конан Дойль, хор любимых русских писателей ведет основную линию. Все это — мое, мое, слыша эту писательскую симфонию, я восхищаюсь, я собираюсь, я нахожу в себе творческие силы, ведь желание «не

посрамить» некоторых стимулирует. Меня очень стимулирует. Поэтому камертон действует.

Но как же это так получается, что американец, насмешник, тот, кто почти всю жизнь был закоренелым атеистом, имеет надо мной, как над писателем, такую власть? Что-то есть, значит, особенное в его текстах, которые хороши практически в любом переводе. Наверное, дело в алмазной, кристально-чистой, незамутненной нормальности — и текстов Марка Твена, и, конечно же, в первую очередь его самого как человека.

Марк Твен любил индейцев. Для меня, как для верного друга индейцев, это тоже камертон. В краях, где он родился и рос, а затем в крупных и мелких городах, где жил и работал, индейцев водилось уже мало. В основном это были несчастные, которых нельзя назвать иначе как насмешкой над идеей человека. Писатель Марк Твен считал их людьми. Даже таких, как его злодейский персонаж индеец Джо.

Да еще и негры, эти чернокожие рабы великих свободных американцев... Как южанин и сын южан, Марк Твен имел с рабовладением свои счёты. Так точно, емко и справедливо подписать ему приговор смог тоже именно он.

Цитат из произведений Марка Твена об институте рабства в данной книге довольно много — хотя и одной хватило бы, чтобы душа прочитавшего этот текст человека перевернулась, а мозг навсегда отказался бы от признания идеи, что можно делать одних людей рабами других. И вообще их много будет, самых разных

цитат из разных произведений этого автора. Все они так или иначе связаны с размышлениями о том, как начальствовать над сотрудниками и рабами, собственными супругами и домочадцами, как руководить общественным мнением, широкими народными массами и, конечно же, управлять своими пороками, желаниями и... литературной карьерой. Какие-то цитаты окажутся короткими, ведь Марк Твен — непревзойденный мастер афоризма, а какие-то развернутыми: сценками, эпизодами, монологами или диалогами. Это для того, чтобы можно было наслаждаться — меткостью описаний (назвал, как припечатал), упругостью пружины сюжета даже небольшой сценки, мудростью и точностью незабываемой афористичности, блистательностью юмора и умением Марка Твена заряжать читателей радостью жизни. Даже когда он с горькой иронией повествует о человеческих пороках и преступлениях.

Я уверена, что когда-нибудь объеду всю Америку, увижу все те края, о которых столько читала. Окажутся совершенно другими стоящие по берегам больших и малых рек города, по местам золотоносных приисков и серебряных рудников наверняка уже будут проложены автострады, выстроены моллы, а может, наоборот, предприятия добывающей промышленности. Негры там будут вести себя уже не так, как во времена Марка Твена, белые — тем более. Коренные народы как там себя будут чувствовать, в каком количестве окажутся представленными, интересно? Все

мне нужно будет посмотреть и узнать, все. Я стану смотреть, анализировать, сравнивать — что было, что есть, предполагать, что будет, ведь многое сбылось из того, что предрекал (даже, вернее, просто предполагал) этот великий мыслитель. Меня интересует человеческая сущность — какая она в годы Марка Твена была, в какую сторону изменилась? И изменение ли это.

...В одном из романов Марка Твена была такая ситуация. Плыл плот по реке Миссисипи. На нем, в числе прочих, — беззащитный чернокожий беглец Джим. Хитроумные авантюристы выставили рядом с Джимом табличку:

«Бешеный арап — когда в себе, на людей не бросается»...

И она помогала: посмотреть, что за арап, и выяснить, до какой степени он бешеный, желающих не оказалось.

Вот что такое спасение словом. Пусть сила слова Марка Твена поможет и вам. Сила слова, сила знания, сила мысли много где пригождается.

Составитель Елена Нестерина

«Тот, кого вы заставили смеяться, никогда вас не забудет».

Марк Твен

Био-Марк

(кое-что о сути жизни и реальности
вокруг нее)

Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс, кряхтя и мучительно кашляя, поднялся из своего удобного кресла, помешал кочергой в камине, взял два полена и аккуратно положил на красноватые угли. Огонь тут же начал взбираться по дереву, дрова запели, затрещали. Сэмюэл уселся обратно. «В настоящее время райские чертоги отапливаются радиаторами, соединенными с адом. Муки грешников усугубляются от сознания, что огонь, пожирающий их, одновременно обеспечивает комфорт праведникам, — проворчал он, достал сигару и закурил, заметив. — Я взял себе за правило никогда не курить больше одной сигары одновременно. Бросить курить — самая простая вещь в мире. Я знаю, потому что делал это тысячу раз. Если

мне нельзя будет курить на небесах, то это место не для меня»...

«...Мне даже не надо было учиться курить — я курил всю свою жизнь; да я только появился на свет — сразу попросил огонька!»

Таким можно представить себе известного писателя Марка Твена, находящегося в самом конце своего пути. Он еще далеко не стар, многие писатели в значительно более позднем возрасте завершали свой жизненный и творческий путь. Но он потерял жену и почти всех детей. Он болен, разочарован. Он наконец-то богат, он знаменит. Но он тоскует.

В это время Марк Твен пишет рассказ «Что было сном», герой которого за то время, пока курит трубку, вспоминает последние 17 лет своей жизни. И когда окурок погашен, он смотрит на свою жену, живую и невредимую, и не понимает, настоящая она или нет... Этот текст Твен не завершил. События описываются там веселые и страшные, сияние абсолютного человеческого счастья перемежается с провалами в черное безграничное горе, горе потери этого самого счастья. Счастья общения с любимыми людьми. В отличие от многих, писатель Марк Твен (а в данном случае именно человек Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс) умел его ценить и считал самым важным делом на свете. Смерть уносила его любимых и родных, так что постепенно с ним остались только

боль, тоска и... юмор. Пусть уже не такой светлый, как раньше, но по-прежнему острый. Делаящий мысли еще более глубокими, а чувства тонкими. Юмор бесценный. Дарующий желание продолжать жить.

«Когда придет горе, оно само о себе позаботится».

Как Марк Твен управлялся с горем и болью в конце жизни — и со всем своим литературно-семейным хозяйством в основной жизненный период? Примерно так, как написано в этой книге. В данном случае не стояла задача составить сборник цитат на все случаи жизни (а наследие Марка Твена позволяет с легкостью и удовольствием сделать это). Как и не было цели для каждой цитаты делать сноску и пояснять, из какой она книги. Названия всех произведений, отрывки из которых цитируются, будут перечислены в послесловии к тексту. Это, скорее, как реальность, представленная в ощущениях. Марк Твен, его судьба и творчество — во впечатлениях.

Ведь для чего писатели пишут книги? Не только для того, чтобы высказаться. Не только чтобы удивить и потрясти. А чтобы повлиять. Чтобы чья-то жизнь после прочтения его произведения уже никогда не была прежней. Чтобы заставить работать чьи-то мозги, душу. Пропущенный через собственное восприятие текст книги читатель «осваивает» — к каким-то

выводам приходит, что-то додумывает. Идет процесс в ноосфере! Непрерывный. Читатели и писатели очень нужны друг другу.

Итак, писатель Марк Твен, его секретные и обнародованные способы управления собственным мыслительным процессом, процессом творческим, процессом общения с внешним миром — в лице тех, кому он платит, и тех, кто ему платит, а также тех, кто его обожает и кого обожает он.

Марк Твен показал миру, как он умеет крутить-вертеть смыслами, направлять их — в зависимости от ситуации — в нужное русло. Как короткой фразой, несколькими словами поставить все с ног на голову. Он видел, что этим постоянно занимаются политики, юристы, работники торговли и рекламной сферы, администрация, проповедники и другие. В своих текстах довел это до совершенства.

Он все держал под контролем. Как умел, так и держал. Что-то ему удавалось лучше, что-то хуже. Нам, к счастью, досталось это в текстовой форме — бери, читай, восхищайся, учись. Можно — мастерству ведения персонажей художественного текста сквозь сложнейшие коллизии и перипетии. Можно — остроумно руководить процессом получения аудиторией информации, в той или иной степени касающейся его личной жизни. Например, интересующимся изучением истории его семьи читателям он предлагал такое:

«Двое или трое из моих друзей упомянули как-то в разговоре со мной, что если я напишу историю своей жизни, и у них будет свободное время, они ее прочитают. Не в силах противиться этим неистовым требованиям читающей публики, я составил свою автобиографию.

Я происхожу из старинного знатного рода, уходящего корнями в глубь веков. Самым отдаленным предком Твеннов был друг нашего дома по фамилии Хиггинс. Это было в XI столетии, когда наша семья жила в Англии в Абердине, графство Корк. Почему представители нашего рода сохранили материнскую фамилию Твен вместо фамилии Хиггинс (я не считаю тех случаев, когда они шутики ради скрывались под псевдонимами) — тайна, в которую Твенны не посвящают посторонних. Это прелестная романтическая история, которой лучше не касаться. Так принято во всех аристократических семьях.

Артур Твен был человек незаурядных способностей — он промышлял на большой дороге во времена Уильяма Руфуса. Ему еще не было 30 лет, когда ему пришлось прокатиться в Ньюгет, один из самых почтенных английских курортов, чтобы навести кое-какие справки. Назад он не вернулся, так как умер там скоропостижно.

Огастес Твен снискал себе немалую популярность около 1160 года. Это был прирожденный юморист. Наточив свою старую шпагу и выбрав местечко поукромнее, он темной ночью прокалывал запоздалых

путников, чтобы поглядеть, как они будут подпрыгивать. Что называется, весельчак! Но он не соблюдал должной осторожности, и однажды власти захватили Огастеса в то время, когда он снимал платье с жертвы своих развлечений. Тогда они отделили голову его от тела и выставили ее на почетном месте в Темпл-Баре, откуда открывается превосходный вид на город и на гуляющую публику. Никогда ранее Огастес Твен не занимал такого высокого и прочного положения.

В продолжение следующих двух столетий Твены отличались на поле брани. Это были достойные, неустрашимые молодцы, которые шли в бой с песнями позади всех и бежали с поля битвы с воплями в первых рядах.

Наше родословное древо имело всегда однуединственную ветвь, которая располагалась под прямым углом к стволу и приносила плоды круглый год — летом и зимой. Пусть это будет горьким ответом на малоудачную остроту старика Фруассара.

В самом начале XV века мы встречаем красавца Твена, известного под кличкой «Профессор». У него был такой удивительный, такой очаровательный почерк, и он умел до того похоже изобразить почерк другого человека, что нельзя было без хохота на это смотреть. Он искренне наслаждался своим редким талантом. Случилось, впрочем, так, что ему пришлось по приглашению правительства отправиться бить щепенку на дорогах, и эта работа несколько

повредила изяществу его почерка. Тем не менее он увлекся своей новой специальностью и посвятил ей, с небольшими перерывами, сорок два года. Так, в трудах, он и окончил свой жизненный путь. Все эти годы власти были так довольны Профессором, что немедленно возобновляли с ним контракт, как только старый приходил к концу. Начальство его обожало. Он пользовался популярностью и среди своих коллег и состоял видным членом их клуба, который носил странное наименование «Каторжная команда». Он коротко стриг волосы, любил носить полосатую одежду и скончался, оплакиваемый правительством. Страна потеряла в его лице беззаветного труженика.

Несколько позже появляется знаменитый Джоя Морган Твен. Он приехал в Америку на корабле Колумба в 1492 году в качестве пассажира. По-видимому, у него был очень дурной, брюзгливый характер. Всю дорогу он жаловался, что плохо кормят, и угрожал сойти на берег, если не переменят меню. Он требовал на завтрак свежего пузанка. Целыми днями он слонялся по палубе, задрыв нос, и отпускал шуточки насчет Колумба, утверждая, что тот ни разу не был в этих местах и понятия не имеет, куда едет. Достопамятный крик: «Смотри, земля!» потряс всех, но только не его. Он поглядел на горизонт через закопченный осколок стекла и сказал: «Черта с два земля! Это плот!»

Когда этот сомнительный пассажир взошел на корабль, все его имущество состояло из носового платка

с меткой «Б.Г.», одного бумажного носка с меткой «Л.В.К.», другого — шерстяного с меткой «Д.Ф.» и ночной сорочки с меткой «О.М.Р.», завернутых в старую газету. Тем не менее во время путешествия он больше волновался о своем «чемодане» и разглагольствовал о нем, чем все остальные пассажиры, вместе взятые. Когда корабль зарывался носом и рулевое управление не действовало, он требовал, чтобы его «чемодан» передвинули ближе к корме, а затем бежал проверять результаты. Если корабль зачерпывал кормой, он снова приставал к Колумбу, чтобы тот дал ему матросов «перетащить багаж». Во время шторма приходилось забивать ему в рот кляп, потому что его вопли о судьбе его имущества заглушали слова команды. По-видимому, ему не было предъявлено прямого обвинения в каких-либо правонарушениях, но в судовом журнале отмечено как «достойное внимания обстоятельство», что, хотя он принес свой багаж завернутым в старую газету, он унес, сходя на берег, четыре сундука, не считая саквояжа и нескольких корзин из-под шампанского. Когда же он вернулся на корабль, нахально утверждая, что некоторых вещей у него недостает, и потребовал обыска других пассажиров, терпение его товарищей по путешествию лопнуло, и они швырнули его за борт. Долго они смотрели, не всплывет ли он, но даже пузырька не появилось на ровной морской глади. Пока все с азартом предавались этим наблюдениям, обнаружилось, что корабль дрейфует и тянет за собой повисший якорный канат.

В древнем, потемневшем от времени судовом журнале читаем следующую любопытную запись:

«Позже удалось установить, что беспокойный пассажир нырнул под воду, добрался до якоря, отвязал его и продал богопротивным дикарям на берегу, уверяя, что этот якорь он нашел в море, сукин он сын!»

При всем том мой предок не был лишен добрых и благородных задатков, и наша семья с гордостью вспоминает, что он был первым белым человеком, который всерьез занялся духовным воспитанием индейцев и приобщением их к цивилизации. Он построил вместительную тюрьму, воздвиг возле нее виселицу и до последнего своего дня похвалялся, что ни один реформатор, трудившийся среди индейцев, не оказывал на них столь успокаивающего и возвышающего действия. О конце его жизни хроника сообщает скупо и обиняками. Там говорится, что при повешении первого белого человека в Америке старый путешественник получил повреждение шейных позвонков, имевшее роковой исход.

Правнук «реформатора» процветал в XVII столетии и известен в нашей семейной хронике под именем Старого Адмирала, хотя историки того времени знают его под другими именами. Он командовал маневренными, хорошо оснащенными и отлично вооруженными флотилиями и много способствовал увеличению быстроходности торговых судов. Купеческий корабль, за которым шел Адмирал, не сводя с него